

сенье. Я только всталъ поутру, а батя уже запрягаетъ лошадей на дворъ; я скорѣе сталъ обуваться и одѣваться. Только я одѣлся и вышелъ на дворъ, а батя ужъ запрягъ лошадей. Я сѣлъ въ сани и поѣхалъ. Ъхали, ѣхали, проѣхали четырнадцать верстъ. Я увидалъ высокую церковь и закричалъ: батюшка! вонъ какая церковь высокая! Батюшка говоритъ: есть церковь ниже, да красивѣе, я сталъ его просить: батюшка, пойдѣмъ туда, я помолюсь Богу. Батюшка пошелъ. Когда мы пришли, то вдругъ ударили въ колоколъ; я испугался и спросилъ батюшку, что это такое, или играютъ въ бубны. Батюшка говоритъ: нѣтъ, это начинаетъ обѣдня. Потомъ мы пошли въ церковь молиться Богу. Когда мы помолились, то мы пошли на торгъ. Вотъ я иду, иду, а самъ спотыкаюсь, все смотрю по сторонамъ. Вотъ мы пришли на базаръ; я увидалъ, продаютъ калачи и хотѣлъ взять безъ денегъ. А мнѣ батюшка говоритъ: не бери, а то шапку снимутъ. Я говорю: за что снимутъ, а батюшка говоритъ: не бери безъ денегъ. Я говорю: ну, дай мнѣ гривну, я куплю себѣ калачика. Батя мнѣ далъ, я купилъ три калача и сѣлъ, и говорю: батюшка, какіе калачи хорошіе! Когда мы закупили все, мы пошли къ лошадямъ и напоили ихъ, дали имъ сѣна. Когда онѣ поѣли, мы запрягли лошадей и поѣхали домой; я вошелъ въ избу и раздѣлся, и началъ рассказывать всѣмъ, какъ я былъ въ Тулѣ, и какъ мы съ батюшкой были въ церкви, молились Богу. Потомъ я заснулъ и вижу во снѣ, будто батюшка ѣдетъ опять въ Тулу. Тотчасъ я проснулся, и вижу, всѣ спятъ; я взялъ и заснулъ».

Толстовская оцѣнка художественныхъ способностей крестьянскихъ дѣтей по ихъ сочиненіямъ можетъ показаться нѣсколько преувеличенной, но онъ опубликовалъ эти сочиненія и приглашалъ публику высказать собственное мнѣніе. Онъ напечаталъ въ своемъ воспитательномъ журналѣ нѣсколько рассказовъ, написанныхъ дѣтьми, и вмѣстѣ съ ними рассказъ, написанный учителемъ, и утверждалъ, что послѣдній рассказъ былъ хуже прочихъ.